

ГЛАВА 1

Солнечный луч настойчиво лез в глаза. Недовольно забормотав, я перевернулась на другой бок. Ветерок пошевелил волосы, а в носу отчетливо засвербело. Я оглушительно чихнула и села.

Первое время просто моргала, глядя на портьеры, на пышный балдахин над кроватью. От него спускаются легкие, наполовину прозрачные занавески, которыми играет ветер.

Первая мысль, которая пришла в голову, прозвучала радостно: я дома! Может, не в собственном герцогстве, не в Ньюэйгрине, но в Про... в землях людей точно.

Слишком разительным было то, что я видела сейчас, по сравнению с последними воспоминаниями...

Арена в Священных землях. Оглушительный рев толпы. Пыль столбом.

Оборотни сшибаются в поединках! Бьются... за меня. И когда осталось всего пятеро, появился он.

Огромный черный волк со вздыбленной шерстью обнажает клыки, припадает к земле и перекидывается в черноволосого гиганта!

Он бьется со всеми сразу. С сильнейшими оборотнями стай Семи Лесов.

И побеждает.

Затем он подходит ко мне и протягивает руку в приглашающем жесте. Я пытаюсь отползти, прячу руку за спину — и меня просто забрасывают на плечо, как добычу. А потом...

Стремительный бег Зверя. Неровные скачки. Пружинящие взлеты. Меня подбрасывает на его плече, как куклу. Я... кажется, я пытаюсь вырваться, кричу. Не помогает. И хуже всего во всем этом — неизвестность. Я не знаю, куда он несет меня. Не могу знать. Ясно одно: это не сулит мне ничего хорошего. Что бы ни ждало впереди, я предпочла бы смерть.

Я не успела опомниться, когда границы священной территории остались за нами. Раньше там бились за честь, теперь за самок.

По необъятным стволам, увитым плющом, которые проносятся мимо с невероятной скоростью, было понятно, что мы движемся к северной части Заповедных земель.

Затем Богиня, должно быть, смилостивилась надо мной, потому что я потеряла сознание.

Кажется, я приходила в себя от похлопывания по щекам. Кажется, мне разжимали зубы и вливали в рот кислотную жидкость. Я кашляла, но пила. А потом все повторялось снова, и снова наступала блаженная тьма.

И вот последнее, что помню, — это леса и степи, которые сменяют друг друга со скоростью, с какой не может двигаться человек, когда я беспомощно трепыхаюсь на чьем-то сильном плече.

Просыпаюсь... в замке?

Отчего-то сомнений в том, что это замок, не было.

Я свесила ноги с кровати, и ступни сразу попали в легкие домашние туфли из войлока.

Тело было ватным, непослушным. Я перевела взгляд на руки и ахнула, так я похудела.

Я встала на ноги и замерла на какое-то время, приложив пальцы к вискам. Когда головокружение прошло, откинула занавеску, которая спускается с балдахина и отделяет бесстыдных размеров ложе от остальных покоев.

Именно покоев, потому что комнатой это не называть.

Кроме ложа, здесь есть два стола: письменный и обеденный, кресла с высокими резными спинками, камин, в котором запросто поместится олень на вертеле, два окна в полтора человеческих роста, на полу ворсистый ковер — так и утопаешь в нем стопами.

На непослушных ногах я приблизилась к зеркалу в тяжелой кованой раме.

Из него на меня испуганно смотрела хрупкая невысокая девушка с копной непослушных рыжих локонов. Бледная, краше в гроб кладут. Под глазами пролегли глубокие тени, кожа прозрачная настолько, что видна голубая жилка на виске. Даже еле заметная обычно россыпь веснушек на носу смотрится контрастно. Высокие скулы, вздернутый нос, пухлые бледные губы... Ей-богу, я после зимы, проведенной в заточении в башне, так плохо не выглядела...

Посмотрев вниз, обнаружила, что на мне белая кружевная сорочка в пол, с длинными рукавами и атласными завязками на воротнике. Память услужливо напомнила, что последний раз, когда была в здравом уме и твердой памяти, в день священных боев за право называть меня самкой... в общем, за меня, на мне была серая туника до колен, отороченная темной каймой, а на ногах кожаные туфли с ремешками.

Я приподняла край сорочки и уставилась на ноги в мягких войлочных туфлях, в таких обычно ходят по опочивальне.

— Я дома, — прошептала я и поморщилась, до того слабый у меня был голос. — Я у людей... Но как я сюда попала?

Я мало куда выезжала из Ньюэйгрин и плохо знаю королевство. Но я много читала о нем, и моими познаниями в географии был доволен даже господин Бонжуа, наш с сестрами учитель, который щедро и невероятно взыскательно делился с нами знаниями.

Пробормотав, что по природе местности смогу определить, где нахожусь, хотя бы приблизительно, я подошла к окну.

Возникло стойкое ощущение, что такое уже было. Я точно так же стояла у окна и вглядывалась в пейзаж на горизонте. И, как сейчас, будущее казалось мне непонятным и тревожным. Только пейзаж за окном был другим. Я помню лес на горизонте, шахматную доску полей... Помню только-только подсохшие после чреды весенних ливней дороги...

Сейчас передо мной были горы. Монументальные, величественные. В снежных шапках ледников. Закутанные в пушистые покрывала лесов.

Леса... Деревья... Даже отсюда было видно — они огромны. В человеческих землях таких нет... Это значит только одно.

Я по-прежнему в землях оборотней. Но где? Где хоть кто-то, кто объяснит, что я здесь делаю, откуда на мне сорочка, как вдруг я оказалась в каком-то замке?

Словно услышав мои вопросы, скрипнула дверь. Я обернулась.

Вошедшая женщина развеяла оставшиеся сомнения.

Ее строгая блуза и длинная, в пол, юбка, а также крахмальный передник и строгая прическа не обманули. Передо мной не человек. Оборотень. Волчица. Об этом говорят вытянутое, чуть сплющенное с боков лицо, массивная нижняя челюсть, проникновенный взгляд глубоко посаженных глаз.

Не увидев меня на постели, волчица потянула носом воздух и в следующий миг уже смотрела на меня. Пристально. Напряженно, словно не знала, чего от меня ожидать. Это было взаимно.

Я уже хотела прервать молчание, когда женщина заговорила.

— Проснулась, — сказала она неприязненно. Впрочем, тут же исправилась: — Проснулись, госпожа.

Видно было, что обращение ко мне на вы, а также вежливость даются женщине с трудом. И в то же время был такой контраст по сравнению с остальными волчицами, которых я привыкла видеть в коротких юбках, кожаных доспехах, туниках или вообще без всего, что я невольно засмотрелась на женщину свободного народа в одежде горничной. И только понимание, что это неприлично вот так стоять, тарашиться и хлопать ресницами, вернуло меня в реальность.

— Где я? — вырвалось у меня вместо приветствия.

— Вы в Живых горах, госпожа, — ответила женщина.

— Это значит...

— Вы в Заповедных землях.

— Сколько отсюда до королевства? Пешком, верхом? Здесь замок... Может, можно нанять экипаж? До Делла-Рова? До Ньюэйгринна?

Вопросы сыпались из меня, как горох из прохудившегося мешка, невзирая на то, что женщина хранила молчание.

Когда, сглотнув, замолчала и я, она заговорила:

— Я здесь, чтобы помочь вам одеться, госпожа. Дверь в гардеробную левее. Рядом с дверью в оmyвальную.

Я растерянно проследила взглядом ее жест, а потом снова уставилась на женщину.

— А эта дверь? — спросила я, чувствуя, что отчего-то холодею.

— Это дверь в спальню господина, — ответила она.

— Господина?

— Нашего вожака и альфы, — кивнула женщина и поморщилась. — Мне не стоило говорить с вами об этом. Извольте умыться и одеться. Обо всем, что вам нужно знать, вам поведаст господин. А сейчас, как только будете готовы, вам подадут завтрак.

— Я, — попыталась подобрать подходящее слово. — Я чья-то гостья? Кто ваш господин? В Заповедных землях живут люди?

Я замолчала, потому что поняла, что сморозила глупость. И вместе с тем все происходящее казалось абсурдом, особенно в сравнении с моими воспоминаниями.

Я помню, как меня похитил черноволосый волк. Зверь. Бывший альфа Стаи Семи Лесов. И теперь этот замок. И волчица в одежде горничной, которая говорит мне вы. И призывает одеться и позавтракать. При мысли о еде желудок жалобно сжался.

Должно быть, женщине надоело ждать.

Она приблизилась, пристально глядя мне в глаза.

— Пройдемте, — в голосе ее послышалось рычание. — В оmyвальнойю.

Но после знакомства с Виллой меня таким не пронять.

Не опуская взгляда, я осталась стоять на месте.

— Кто ваш господин? — спросила я, рассудив, что если она обращается ко мне «госпожа», я гостя в этом странном замке, а не пленница.

— Он сам вам расскажет, — стояла на своем женщина. И, поморщившись, добавила: — Госпожа.

— Меня зовут Лирей Анжу Альбето, — сказала я. — Я — наследная герцогиня Ньюэйгрин. Моя семья богата. И они, — мне хотелось в это верить, — ищут меня. Если вы поможете мне добраться домой, я щедро отблагодарю за помощь.

Волчица не успела ответить.

Дверь открылась, и вошли еще две женщины. Молодые, даже юные. Судя по грубоватым чертам лица, чуть заостренным ушам с отсутствующими мочками — волчицы. Обе держат перед собой подносы, на которых позвякивают крышками блюда. Заходя в комнату, первая запуталась в длинной юбке и чуть не уронила поднос. Чуть — потому что оправилась и подхватила накренившийся поднос с жалобно звякнувшими тарелками со звериной ловкостью.

В следующий миг обе девушки замерли, уставившись на меня. Я почувствовала себя по меньшей мере танцовщицей на площади.

Верхняя губа первой женщины поднялась. Она пристально уставилась на вошедших, что заставило девушек, в свою очередь, опустить взгляды и даже склонить головы.

— Мы принесли завтрак, — сказала одна из них, а вторая почему-то хихикнула.

Первая тоже с трудом сдерживала смех.

Из горла старшей волчицы раздалось еле слышное рычание. Смех тут же стих. Но пристально есть меня глазами не перестали.

— Госпожа еще не готова для завтрака, — отрезала женщина. — Придете позже.

— Когда? — с готовностью спросила одна из них, при этом смотрела не на старшую, а на меня.

— Я скажу когда! — рявкнула старшая.

Тех как ветром сдуло.

— Пройдемте в омывальную! — тем же тоном сказала мне волчица, и я не посмела послушаться.

Оказавшаяся еще роскошнее, чем в моем бывшем замке, омывальная изумила.

Каменный бассейн, дубовая деревянная лохань. Даже водопад, который струится из нагретого резервуара, стоит надавить на выемку в стене.

Под пристальным взглядом волчицы я привела себя в порядок. Она пыталась помочь, хотя выглядело это скорее желанием контролировать процесс. Я решительно отвергла ее помощь, мотивировав тем, что уже привыкла справляться сама. Волчица не настаивала.

Обнаружив на полке ароматное мыло с розовыми лепестками и сушеной лавандой, я не преминула им воспользоваться. Как и легким маслянистым кремом.

До этого раза мне дважды довелось путешествовать на плечах оборотней. Первый раз — от границы Делла-Рова, второй — когда Грэст похитил меня с озера Велеса. И оба раза я потом чувствовала себя словно избитой, тело было в синяках и ссадинах. Сейчас —

я сама подивилась — кожа была гладкой и нежной, ничего не болело, только слегка кружилась голова от слабости.

Закутавшись в банный халат, я последовала за волчицей. Омывальная и гардеробная соединяются невысокой дверью, и я отметила про себя, что это куда удобнее, чем в моих бывших покоях в Ньюэйгрине.

— Наденьте это, — сказала волчица и ткнула в легкое платье цвета пыльной розы. По низкому вырезу идет полоска кружева, по низу подола — пышная кайма. Платье, бесспорно, красивое, но все же больше похоже на нижнюю сорочку или пеньюар, который носит в покоях Виталина.

— На каком основании вы говорите, что мне делать? — вырвалось у меня.

Я подумала, что волчица сейчас зарычит, но женщина скорее удивилась.

— Я же эта, — сказала она и щелкнула пальцами, — горничная.

Несмотря на тревожную атмосферу, я не выдержала и хихикнула.

Женщина посмотрела на меня, подняв брови.

— Из вас такая же горничная, как и из меня, — сообщила я и пояснила, когда волчица не поняла. — Горничные обычно начинают с того, что представляются.

Женщина помолчала, а потом произнесла явно неохотно:

— Адела.

Я кивнула.

— Теперь оденетесь? — спросила Адела.

— А где сорочка, корсет, белье, наконец? — поинтересовалась я.

Адела пожевала губами. О таких мелочах она явно не задумывалась.

Вздохнув, я принялась осматривать гардеробную. После нескольких минут поисков пришлось признать: сорочки здесь были. Прозрачные, кружевные, до середины бедра, до того откровенные, что я постеснялась даже дать понять Аделе, что собираюсь надеть такое. Что касается корсетов и панталон, то о таком здесь, видимо, даже не слышали.

— А где хоть один корсет? — спросила я замеревшую на месте, словно статуя, Аделу. О панталонах спросить постеснялась, решив начать «с малой крови».

Волчица-горничная презрительно скривилась.

— Корсет? — переспросила она и, когда я кивнула, уточнила: — Это пыточное приспособление?

Я снова кивнула.

— Но ведь его же невозможно носить. Я пробовала. Давно. Ребра сдавливает, дышать невозможно. Двигаться тоже.

— И все же, — настоятельно сказала я, — не надевать же мне платье на голое тело.

— А почему нет? — уточнила женщина.

Представив, как щеголяю в этом платье из тонкой струящейся ткани по незнакомому замку, я покраснела.

— И все же я настаиваю, — твердо сказала я.

Адела пожала плечами.

— Ничем не могу помочь, — ответила она. — Корсетов здесь нет.

— И панталон тоже? — спросила я, краснея, решив, что все равно уже стыдно, поэтому румянцем больше, румянцем меньше — без разницы.

Волчица фыркнула.

— Вот уж лишний предмет гардероба!

— И ничуть не лишний! — возмутилась я. — Вы предлагаете мне разгуливать по замку без... белья?

Сказала это, и сама подивилась своей экспрессии. Еще недавно представала перед самцами, тьфу, перед мужчинами, голой. И разгуливала в коротких, до середины бедра, туниках. Но ведь то лес... И дикари, то есть оборотни, кругом. А здесь, в замке, среди привычной глазу обстановки, сразу вспомнилось, кто я и откуда. И не представлялось возможным нарушать не то что нормы этикета, но и границы элементарной этики.

— Разгуливать по замку вы будете только с дозволения аль... господина, — вернула меня на землю волчица. — А пока он такое дозволение не давал, беспокоиться не о чем.

Вздохнув, я приняла платье у нее из рук. В последний момент передумала и надела под него эту неприличную сорочку, такую легкую и невесомую, что даже не ощутила ее на себе. Оглядев себя в зеркало, хмыкнула. Если не знать, что под платьем ничего нет, и слишком уж не присматриваться, вид получился почти приличный.

Волосы разделила на пряди с помощью черепахового гребня и уложила в низкий узел, закрепив деревянными шпильками.

Все это время Адела молча наблюдала за моими действиями, явно не догадываясь, что причесывать меня — вроде как ее обязанность, если она претендует называться прислугой, горничной или камеристкой. Впрочем, представлять ее в этой роли было так же дико, как в роли актрисы королевского театра.

Когда мы покинули гардеробную, кровать оказалась застелена, причем простыни были заменены на свежие.